

Е. К. Бросалина

О ПРИНЦИПАХ АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА Р. ТАГОРА

Я предлагаю взглянуть на стихотворный текст в необычном ракурсе, а именно — рассмотреть его как некое послание (message), у которого существует автор и адресат. В подобном случае для корректной интерпретации поэтического высказывания представляется логичным подвергнуть анализу три его неперменные составляющие: а) форму обращения (the way to address), поскольку это позволит определить характер связи между автором и адресатом; б) форму изъяснения (т.е. **the way to express**), что включает определение времени, места и цели послания и в) комплекс изобразительных средств, которые использует автор для того, чтобы сделать свое поэтическое послание максимально убедительным (the way to impress).

Полагаю, что подобный комплексный анализ поэтического высказывания даст возможность должным образом сложить в единую картину отдельные его компоненты (тема, основная мысль, средства выразительности), а также поможет избежать многочисленных неточностей, а временами и серьезных ошибок, особенно заметных при переводе стихотворений великого поэта на другие языки.

Для того чтобы показать результативность подобного подхода, остановлюсь в основном на первом из названных этапов, а именно — на форме обращения. В современной поэзии на новоиндийских языках, в частности в бенгальском, обращение приобретает особую важность в силу нескольких причин. Из них три имеют объективный характер. Одна причина — это отсутствие в бенгальском языке собственных показателей рода. Вторая — наличие субординативной системы местоимений. Третья — отсутствие заглавных букв в бенгальской орфографической системе. Есть и еще одна причина субъективного характера. Она имеет непосредственное отношение к восприятию поэтом мира, его представлениям о природе творчества и источнике вдохновения, а также к его взглядам на систему

этических связей в пределах социума, сформулированным им в концепции «религия человека» (*mānab dharma*).

Исходя из постулата о равноценности и самоценности каждого индивида Р. Тагор формирует собственную ценностную шкалу употребления местоимений. Он полностью исключает из своей поэтической лексики личные местоимения 2-го лица (*āpni*), маркирующие высшую степень почтения и социальной разницы между автором и адресатом, местоимение 3-го лица (*tini*) он также употребляет чрезвычайно редко (и то лишь в целях противопоставления автора адресату [Rabīndra gasanabālī 1961–1966, II: 291]). При этом поэт в соответствии со своей концепцией «общечеловеческого братства» значительно расширяет сферу использования так называемых нейтральных форм 2-го и 3-го лица (*tumi* и *se*). Это создает дополнительные трудности для осмысления поэтического текста, поскольку в одном местоименном (с формальной точки зрения) регистре оказываются Всевышний и простой смертный, господин и слуга, богач и нищий бродяга. В подобной ситуации именно междометийный или глагольный элемент обращения играет решающую роль в определении отношения автора к адресату.

По местоположению обращение занимает, как правило, начальную позицию в поэтическом высказывании, хотя оно также может быть как вынесено в рефрен-репризу (*bihānga, ore bihānga mor* [Rabīndra gasanabālī 1961–1966, I: 269]), так и встроено в середину строфы (*cala jātrī, calo dinrātrī* [Ibid, IV: 206, № 40]).

По типу связи между автором и адресатом их можно подразделить на несколько категорий: а) обращение типа «я — я» (*āmi — āmi*). Для поэта-лирика это наиболее распространенный тип связи автора и адресата. Подобные стихотворные послания представляют диалог автора со своим сокровенным, скрытым от постороннего взгляда «я». Они носят исповедальный характер. Наиболее ярко в творчестве Р. Тагора они представлены в таких сборниках, как *Sandhyā-Saṅgīt, Parbhāt Saṅgīt, Chabi o gān, Sonār tarī*;

б) обращение типа «я — Ты» (*āmi — tumi*). В качестве адресата подобного обращения в поэзии Р. Тагора, как правило, выступает существо или сущность высшего порядка, вызывающее у автора чувство глубокого благоговения и любви. Стихотворения носят отчетливо выраженный молитвенный характер. Наиболее ярко они

представлены в таких стихотворных сборниках, как *Naibedyā*, *Utsarga*, *Gītāñjalī*, *Pūrābī* и *Rupāntar*;

в) обращение типа «я — он/она» (*āmi* — *se*). Адресность подобных поэтических посланий в основном такая же, как и в предыдущем случае, однако в отличие от него они написаны в более «спокойном» регистре и носят скорее философический, нежели исповедально-молитвенный характер (сборники *Kheyā*, *Sonār tarī*, *Janmadine*, *Balāka*, *Karī o kamal*, *Citrā*);

г) обращение типа «я — ты» (*āmi* — *tui*). Напомним, что интимно-фамильярная форма «tui» двойственного характера. В ряде случаев она соотносится с темой приязни, любви (сборники *Mānasī*, *Prem*, *Bideši phuler guccha*), в других случаях — сравнительно редко — маркирует осуждение, несогласие и означает диспут с адресатом [Rabīndra racanabālī, IV: 206, № 41].

С точки зрения грамматической (*т.е. по составу*) наиболее употребительными в поэтической практике Р. Тагора являются междометийные обращения (*he*, *go*, *ogo*, *o*, *ore*, *hāy*). Междометие при этом чаще всего находится не в изолированной позиции, но в сочетании с другой словоформой. Основываясь на грамматической категории этого второго компонента, обращения такого рода можно подразделить на именные, местоименные и глагольные.

Согласно тагоровской иерархии наивысшая степень почтения выражается с помощью междометия *he*. Косвенным, но достаточно весомым подтверждением этого являются переводы Р. Тагором ведических гимнов, стихотворений Бхавабхути и Видьяпати, где он употребляет именно это междометие. В качестве примера приведем два отрывка из его перевода гимна в честь Варуны:

«*He*, *baruṇa*, *tumi dūr karo he*, ***dūr karo mor bhay***» (О Варуна, избавь, о, избавь меня от страха).

«*He*, *barunadeva*, *mānuṣ āmrā*, *debatār kache yadi thāki pāp kare*, *lāngan kari tomār dharma*» (О, бог Варуна, мы люди [всего лишь], и, согрешив, мы нарушаем тобою установленное [Ibid., XV: 10]).

Отметим, что уже на уровне этого перевода, обнаруживается формальное несоответствие используемых Тагором форм нейтрального местоимения (*tumi*, *tomār*) с пафосной тональностью начального обращения, о чем было упомянуто ранее. Это особенно важно принимать во внимание в тех случаях, когда Р. Тагор использует не

имя собственное, а глагольную форму, и помимо междометия в тексте нет никакого другого указания на личность адресата.

В употреблении сочетаний с междометием *he* отметим две особенности. Обе находятся в русле мировоззрения Тагора как поэта-романтика и теснейшим образом связаны с его концепцией «*mānab dhārma*». Во-первых, при обращении к Высшему началу Р. Тагор в собственных стихотворениях использует не одно из его конкретных имен (Вишну, Шива, Парвати и пр.), а эпитеты общего плана, такие как *bidhātā*, *bhagabān*, *bhāgyabān*, *asīm*, *prabhu*, *rājā*, *rājār rājā*, *antaryamī*, *antaratama*, *biśbadebatā* и пр. При этом в каждом конкретном случае они «привязаны» к содержанию «послания».

Во-вторых, в своей поэтической практике Р. Тагор значительно расширяет сферу употребления подобных междометийных обращений. Этот высочайший статус адресного обращения у него приобретает целый ряд субстантивированных существительных. Часть из них вполне традиционна и в основном связана с лексикой сочинений бхактов и песен баулов (*man*, *citta*, *buddhi*, *mājhi*, *ānanda*, *acenā*, *maner mānus*). Однако и в этом случае в их поэтическом осмыслении мы можем наблюдать смещение акцентов. Оно происходит благодаря постоянному употреблению в составе обращения еще одного элемента, а именно — притяжательного местоимения мой/мое/моя (*mor/āmār*) [Rabīndra rasanabalī, IV: 30, 195]. Это придает всему поэтическому изъяснению глубоко личностный характер.

Помимо вышеназванных Р. Тагор использует в качестве второго элемента междометийных обращений с *he* новый пласт понятий, которые также имеют прямое отношение к философическому складу его поэзии, а также к поэзии Р. Тагора как поэта-патриота. Реализация первой из названных особенностей в составе обращения происходит с помощью таких существительных, как *dharani*, *prthibi*, *marañ*, *mahāmarañ*, *jīban*, *atīt*, *āsā* (земля, смерть, жизнь, надежда, прошлое). Что касается обращений, маркирующих гражданскую позицию Р. Тагора, то в их ряду следует упомянуть прежде всего такие как «*he*, *bhārat*, *āji nabīn barṣe*» [Rabīndra rasanabalī, II: 136], «*he*, *mor durbhāgā deś*» [Ibid., II: 283].

По частотности употребления далее назовем обращения, первым элементом которых являются междометия группы *go*, *ogo* и *ore*. Их употребление Р. Тагором также имеет свои особенности. Первые

два свидетельствуют об обращении поэта к мотивам вишнуитской поэзии. Как правило, в качестве второго элемента он использует здесь традиционные для вишнуитской пады обращения *sakhā/sakhī*, *bandhu* или *sajanī*. Именно этот тип обращений широко применяет поэт в своем цикле «Bhānusiñher ṭhākurer paddābalī» [Rabīndra rasanabalī, I: 133, № 7; 137, № 13; 139, № 16]. Примечательно, что в данном случае мы имеем дело не с оригинальным текстом в переводе Р. Тагора, а со своего рода литературной мистификацией. Поэт настолько точно воспроизвел здесь поэтику вишнуитской пады, что впоследствии это его сочинение было принято некоторыми за подлинный сборник неизвестного средневекового автора.

В своем творчестве наиболее интенсивно Р. Тагор применяет такого рода обращения для выражения собственного сокровенного чувства любви в сборнике «Kaṛī o komal» [Rabīndra rasanabalī, I: 190–191].

Помимо упомянутых в качестве второго компонента, в сочетаниях с междометиями *go* и *ogo* мы находим и адресные эпитеты, опять-таки характерные для вишнуитской поэзии, такие, например, как *Hemnalini* [Rabīndra rasanabalī, X: 308], *Sundar cor* [Ibid, I: 698].

Уместно заметить, что обращения подобного рода обычно отсылают нас к вишнуитской поэзии не только на уровне темы, но и функционально, поскольку большинство стихотворений, начинающихся с междометий *go*, *ogo*, получили «второе рождение» в творчестве Р. Тагора уже в виде песенных текстов или песенных вставок в его пьесах.

Сфера употребления сочетаний с междометиями *ore/ohē* тематически и субординативно совпадает с упомянутой выше для *go*, *ogo*. Однако в этих случаях поэт склонен использовать значительно более широкий спектр лексики. Эта лексика в большинстве случаев маркирует тип связи «я — Ты» или «я — ты». Она включает самые различные вещи, как обыденного, вполне конкретного плана: цветок, дерево, птица (*phuler kīt*, *pākhi* [ibid, I: 41; III: 896]), — так и философского (*cīrabhikṣu*) — вечно нищенствующий, (*mṛtyu*), *yātri* [Rabīndra rasanabalī, III: 538; VI: 381; I: 575]. Такого типа обращения могут передавать отношение поэта к сиюминутному переживанию, мимолетному впечатлению или иметь характер серьезного разду-

мья.

О тех стихотворениях, где с помощью сочетаний *ogo* и *ore* автор размышляет о смысле жизни или поэтическом призвании, следует сказать особо. Довольно часто при этом Р. Тагор избирает в качестве адресата условного собеседника. Чаще всего в этой роли выступает лодочник (*majhi*), путник (*yatri*) или странник (*pathik*). В действительности это всего лишь маски, которые «примеряет на себя» поэт, и вследствие этого они, возможно, должны быть рассмотрены как один из вариантов типа связи «я — я».

Последнюю позицию в череде наиболее часто встречающихся форм междометийных обращений занимает междометие *hāy/hāy-re*. Сфера его употребления не связана ни с определенной тематикой, ни с фактором субординации. Оно лишь фиксирует эмоциональное состояние автора: передает чувство горечи, потери, разочарования (*hāy, dharitrī, hāy re, tore rākhba dhare; hāy re, bhikṣu, hāy re* [Rabīndra racanabālī, III: 690; II: 705, 899]).

В настоящей статье остались не рассмотрены еще две важные категории обращений: местоименная и глагольная. Для распознавания адресата они представляют, пожалуй, наибольшую трудность. Поэтому в заключение хотелось бы предложить свою интерпретацию роли таких обращений (в основном местоименных) на примере конкретного стихотворения, взятого из сборника *Sbadeṣ* («Родина») [Rabīndra racanabālī, IV: 207, № 44].

bidhir bāndhan kaṭbe tumi
śaktimān —
tumi ki eman śaktimān

āmāder bhāṅgāgarā tomar hāte
eman abhimān —
tomader emani abhimān //

ciradin tānbe piche, ciradin
rākhbe nice —
eta bal nāire tomār, sabe nā sci
ṭan //

Закон судьбы нарушить тщишься. Ты
столь силен?
Ужель ты столь силен?

Гордыней обуян, ты нашу жизнь
вершить стремишься?
Гордыня ваша столь уж велика?

Вечно толкаете вспять, вечно главу
не даете поднять.
Нет у тебя столько сил, а у всех нас
терпенья.

śāsane yatai gheṇo āche bal dūr
balero,
hao-nā yatai baṇo āchen
bhagabān //

Сколько ни да́вите властью, однако
и слабый силен,
Коли Всевышнего силою он осенен,

āmāder śakti mere torāo bāñcibi
ne re,
bojhā tor bhārī halei dubbe
tarīkhān //

Нас уничтожишь, но не спасетесь
и сами:
Груз когда слишком велик — лодку
быстро накроет волнами*.

* При переводе автор стремился лишь сохранить местоименные формы и передать общую тональность поэтического высказывания.

В пяти двустихиях, из которых оно состоит, использован в качестве адресного обращения целый ряд личных и притяжательных местоимений. Их общей структурной и смысловой особенностью является оппозиция по отношению к авторскому «я». По поводу последнего следует подчеркнуть, что в рассматриваемом поэтическом послании, как и во многих других в этом сборнике, использован необычный для Р. Тагора-лирика прием, когда для обозначения позиции автора им избрана не форма местоимения 1-го л. ед. ч., а притяжательное и личное местоимения 1-го л. мн. ч. — *āmāder* (наш) и *āmṛā* (мы). С их помощью поэт выражает мысль о единении со своими унижаемыми соотечественниками. Что касается остальных местоименных форм, то порядок их употребления в каждой из пар отдельно взятых двустихий служит единой этической задаче — показать мощь иноземного давления и степень народного протеста. Итак, в обоих стихах в качестве адресного обращения фигурирует одна и та же нейтральная форма *tumi* (ты, 2 л. ед. ч.). В первом стихе второго двустихия обозначается и «совокупный» автор послания, который находится в оппозиции к вторично названному адресату-ты (*tumi*). Во второй строке этого же двустихия адресат представлен той же местоименной формой, но уже во множественном числе. Это сделано, по всей видимости, для того чтобы подчеркнуть силовой перевес оппонента. Подобное предположение подтверждается и на уровне лексики: напомним о риторическом вопросе в первом двустихии: «Ужель ты столь силен? (*śaktimān*)» — и о своеобразном ответе на

него в пятом: «Нас уничтожишь, но не спасетесь и сами: / Груз когда (*bojhā*) слишком велик — лодку быстро накроет волнами».

Третье двестишие — ключевое по содержанию. На этот раз враждебно настроенный адресат снова представлен местоименной формой 2-го л. ед. ч., в то время как совокупный автор-оппозиционер обозначен через собирательное местоимение «все» (*sabe*). С помощью перестановки местоименных обращений автор таким образом выстраивает напряженную картину противостояния двух политических сил: иноземных властей и населения страны. Четвертое двестишие не менее значимо, однако здесь противопоставление осуществляется не с помощью местоименных, а на основе им соответствующих глагольных форм. С тем чтобы подчеркнуть преимущество своих соотечественников, лишенных права самим решать свою судьбу, поэт напоминает о том, что Всевышний всегда на стороне слабых. Здесь мы имеем как раз тот случай, когда при этом Р. Тагор употребляет глагол *āchā* («быть, существовать») в форме, соответствующей пиететному и редко используемому им местоимению 3-го л. мн. ч. *tini* — *āchen*.

Наконец, в пятом, завершающем двестишии, содержится призыв к самопожертвенному подвигу и прямой вызов. На уровне обращения он обнаруживается в изменении местоименной формы адресата: оппозиций формы «мы» (*āmrā*) здесь является адресная форма *tui/torā*, с помощью которой, как известно, кроме чувства интимной близости бенгалец выражает и крайнюю степень презрения.

Итак, эмоциональное действие этого стихотворения развивается по нарастающей: от несогласия — к протесту, от него — к провозглашению уверенности в своем праве, а далее — к грозному предупреждению о неизбежном крушении могущества сильных и выражению презрения к ним. Это восхождение по пяти двестишиям совершается с помощью своеобразных ступеней, обозначенных логически выстроенной системой обращений: ты; мы — вы; мы — ты; ты — он; мы — ты (уничужительное).

Мое «послание» имеет предварительный характер. Оно ориентировано в первую очередь на проблемы перевода стихов Р. Тагора на

другие языки. Хотелось бы надеяться, однако, что оно может также вызвать интерес и у тех, кто посвятил себя исследованию его поэтического творчества.

Предложенные здесь принципы анализа поэтического текста имеют ограниченное применение и «работают» главным образом в сфере лирики Р. Тагора.

Библиография

Rabīndra raṣanabalī. Janmaśatabarṣik saṁskaraṇ. Kalikātā, 1961–1966.